

Ганс-Гельмут Декер-Фойгт,
доктор арт-терапии, профессор, учредитель и главный редактор журнала «MUSIK
UND GESUNDSEIN» («Музыка и здоровье»), руководитель Центра исследований в области
терапии творческим самовыражением Института музыкальной терапии Высшей школы
музыки и театра г. Гамбурга (Германия), Президент Академии постдипломного обучения
музыкальной терапии Фонда Герберта фон Караяна в Кёльне, писатель, Почётный профессор
и Почётный доктор Оренбургского государственного института искусств
им. Л.и М. Ростроповичей
перевод с немецкого языка на русский язык — **Т.Б. Резницкая,**
кандидат искусствоведения, доцент,
заведующая кафедрой камерного ансамбля
и концертмейстерской подготовки,
Оренбургский государственный институт искусств
им. Л. и М. Ростроповичей

Искусство и война

Меня зовут Ганс-Гельмут Декер-Фойгт, я являюсь профессором Высшей школы музыки и театра города Гамбурга и одновременно занимаюсь писательской деятельностью. В качестве учёного и писателя я был приглашён Оренбургским государственным институтом искусств им. Леопольда и Мстислава Ростроповичей в Оренбург для доклада на тему «Искусство и война», поскольку в эти дни и на протяжении всего года в России особое внимание уделяется памяти и осмыслению событий, связанных со Второй мировой войной и её окончанием в 1945 году.

Причиной, побудившей меня лично приехать в Россию, стало моё желание отпраздновать 70 лет с момента окончания Второй мировой войны здесь, с моими российскими друзьями. Также на этой неделе я отметил свой 70-летний юбилей, отметил его в той стране, где мой отец, будучи некогда офицером вермахта, должен был воевать против советских солдат и советского народа. Впоследствии мой отец вступил в ряды сопротивления, где работал вместе с моим дедом против Адольфа Гитлера. За свои антигитлеровские взгляды отец был казнён за три дня до моего рождения, в то время как мой дед, являясь священником, продолжал работать и в мирное время, уже после окончания войны.

Пребывание в Оренбурге на протяжении всей этой недели связано для меня с особыми чувствами. Я посетил выставки в музее истории Оренбурга и в его филиале – музее защитников Отечества, осмотрел экспонаты – символы Второй и Первой мировых войн. С руководством института искусств, его студентами, а также с моими коллегами, с которыми меня связывает тесная дружба, я беседовал о том времени, а также о том, как сегодня воспринимаются военные события людьми в Германии и в России.

Одной из целей моего объёмного доклада, которым я открывал конференцию в областной библиотеке им. Крупской, а сегодня представляю вашему вниманию в форме 15-минутной лекции, является стремление внести

вклад в сохранение мира, поскольку проработка последствий войны всегда взаимосвязана с процессом дальнейшего обеспечения мира.

Для меня является очевидным, что искусство и его виды – музыка, картины, книги – всегда использовались для того, чтобы подготовить и провести войну во всей её жестокости. Порочным и противоестественным является то, что последствия любой войны всегда затрагивают абсолютно не причастных к военным действиям людей, а обе стороны – и солдаты, и гражданское население любой нации – испытывают психологическую травму.

Однако, после окончания войны различные формы искусства, напротив, используются для того, чтобы помочь солдатам и гражданскому населению справиться с проработкой душевных травм.

Свой краткий очерк на тему «Искусство и война» я хотел бы начать с понятия «война». В процессе исследований мы были изумлены отсутствием общепринятого для тех или иных наций или для всех народов в целом определением. Всё ещё существует слишком большое количество различных точек зрения и ответов на вопрос, что такое война. И сегодня мы также говорим о войне, хотя и не опасаясь более мировой войны (во всяком случае, в обозримом будущем), но подразумевая горячие точки, объединённые общим понятием «террор». Современному обществу приходится сегодня иметь дело с террором, и вновь мы обращаемся к искусству и его видам, стремясь найти способы работы с психикой применительно к проработке последствий душевных травм, связанных с этой темой.

Представляя свой доклад в областной библиотеке, я приводил в качестве примера отрывки из двух сочинений современных немецких композиторов. Одно из них принадлежит ныне живущему гамбургскому композитору Дитеру Эйнфелдту и называется «Гоморра». Как мы знаем, Содом и Гоморра в Ветхом Завете являются символами хаоса и человеческой катастрофы. Оратория Дитера Эйнфелдта «Гоморра» раскрывает жестокость и беспощадность войны с одной стороны, с другой же – передаёт весь ужас человеческого восприятия, открытого перед страшной военной реальностью.

В этой связи можно говорить о различиях между Второй и Первой мировыми войнами. Если многие солдаты в разных странах с восторгом приветствовали начало Первой мировой войны, то Вторая мировая война была полной к тому противоположностью. Её отличает криминальный характер: вторжение в Польшу и несколькими днями позже – нападение гитлеровской Германии на Россию, несмотря на подписанный Сталиным пакт о ненападении. Криминальное начало повлекло за собой и криминальное продолжение, пока этому, слава Богу, не пришёл конец.

А за этим в Германии, я надеюсь, также и в России, последовал процесс проработки последствий войны посредством различных форм искусства – в романах, художественных фильмах, стихах, позволявших счастливым образом объединиться тем представителям немецкого офицерства и духовенства, которые с самого начала работали против гитлеровской Германии. Сегодня проработка последствий войны, которую мы, немцы, начали и навязали немцам и всему миру, в первую очередь, касается работы с чувством вины. Его

испытывает поколение наших дедов и отцов – тех, кто активно участвовал в войне, а также и моё поколение (а я родился в 1945 году за восемь недель до окончания войны), унаследовавшее его от своих отцов и дедов.

Это простая случайность, если для кого-либо, подобно мне, это работа облегчается тем, что он приходится сыном и внуком участников антигитлеровского сопротивления. Это лишь счастливая случайность, дополняющая собой процесс проработки.

Обратимся к глубинной психологии и определению Фрейда, с его достаточно узким толкованием того, что искусство всегда является выражением недостаточноотреагированного сексуального влечения. Это существующее уже долгое время определение, хотя и не претендует на полноту, однако с точки зрения исследований феномена агрессии его никогда нельзя отрицать полностью. Таким образом, проявление искусства во множестве своих форм становится возможным, благодаря преобразованию энергии человека, его сексуальной энергии в творчество, живопись, поэзию, музыку, драматическое искусство.

Сегодня мы имеем также дополнительную точку зрения, обосновывающую возникновение искусства не только недостаточной возможностью проявления сексуального влечения, но утверждающей, что искусство, согласно немецкому философу Гадамеру, имеет независимое ни от чего право на существование. Искусство, утверждает Гадамер, является важным без каких-либо научных обоснований, поскольку обеспечивает нашей душе то, что составляет сущность той самой психологической проработки.

Применительно к войне это означает, что непосредственно после 1945 года во всех странах был запущен процесс прорабатывания военных впечатлений на художественном уровне. Теме войны посвящают свои сочинения композиторы (самое известное сочинение – «Военный реквием» Бенджамина Бриттена), она ярко проявляет себя и в скульптурных, и в живописных образцах.

Существовали различные формы. Первая фаза была связана с тем, что войска альянса по праву праздновали окончание войны как победу над злом. Проработка военных впечатлений в фильмах, романах, музыке была посвящена воспеванию мужества солдат, сражавшихся против гитлеровской Германии.

Немецкое искусство этого периода, конечно же, не имело ни права, ни возможности подобного рода проработки, напротив, речь шла об осмыслении чувства вины, коллективной и личной ответственности тех, кто активно сотрудничал с режимом Третьего рейха. И не только на них, но и на их детей, жён и друзей, не являющихся активными участниками политической жизни гитлеровской Германии, в первые послевоенные годы также распространилось общее чувство коллективной вины и депрессии.

Одна из многих теорий об экономическом чуде послевоенной Германии утверждает, что та энергия, которая существовала у немецкого народа в разрушенной Германии, уходила не только в депрессию, но искала каналы для проявления своей активности. Следствием чего и явилось «немецкое экономическое чудо». В тот период в литературе, музыке, киноискусстве на

всех уровнях превалировали темы, связанные с самокритикой. С начала 60-х годов и на протяжении всего десятилетия в Германии активно задействовались все формы и виды искусства для того, чтобы осмыслить и проработать чувство вины.

А в России искусство использовалось для осмысления и тематизации того принципиально тяжёлого, парадоксального и бесчеловечного, что составляет сущность любой войны. Таков роман Бориса Пастернака, который обращается к военной теме так же, как некогда Толстой, к событиям войны прошедшей эпохи.

И заключительную часть своей краткой лекции я хотел бы построить, используя два высказывания, одно из которых является цитатой из романа Толстого «Война и мир», один из героев которого, генерал графского рода, произносит следующую фразу: «Если бы все войны основывались на доводах разума, то войн бы не было».

А другое высказывание принадлежит современности, его я нашёл в письме моего отца, немецкого офицера: «Если бы во времена Гитлера, – писал он, – все люди за пределами Германии были пацифистами, тогда бы Адольф Гитлер, окруженный в реальности исключительно пацифистами и использующий свои методы ведения войны, смог бы действительно прийти к мировому господству».

Вопрос о том, где война, в той или иной её форме, является необходимой, для того, чтобы сдержать, локализовать и направить в нужное русло деструктивную агрессию человека, и в дальнейшем будет занимать наши умы.

И последнее примечание. Террор, по мнению немецкого философа Карла Фридриха Вайцзеккера, является следствием освобождения энергии после событий 1989 года, после того, как холодная война между Востоком и Западом, сдерживающая огромное количество энергии, стала не нужна, а различные формы человеческой энергии высвободились.

«К чему же это приведёт?» – спрашивает Вайцзеккер и даёт ответ ещё в 1971 году, утверждая, что у нас больше не будет больших войн, но возникнут тысячи мелких, которые будут вести множество мелких групп, выступая против своей политики, собственных групп и мелких объединений различных общественных форм. Такие мелкие группы философ уже в то время обозначил понятием «террор». В то время это были террористические группы на территории Ирландии, либо на территории конфликта между Израилем и Палестиной. Сегодня это террористические группы «Исламского государства».

В связи с этим я испытываю чувство благодарности после окончания конференции, организованной здесь в Оренбурге, поскольку она позволила нам осознать, что потенциал искусства, связанный с проработкой войны, богат настолько, что, думается, способен остановить опасность концентрации энергии для новой войны. И да будет на то воля Господа!

Иллюстрации

Иллюстрация №1

Иллюстрация №2

Иллюстрация №3

Иллюстрация №4